

Глава первая

— Стоп, стоп! Остановились! Пока все плохо.

Помощник режиссера Гриневич раздраженно хлопнул в ладоши и повернулся к молодой женщине, сидящей рядом.

— Видишь? — жалобно сказал он. — Эти красавицы не в состоянии сделать простейшие вещи. Порой я прихожу в отчаяние, мне кажется, что у меня ничего с этим спектаклем не получится. Какой бы образ они ни создавали, каждая старается, чтобы ее достоинства были непременно всем видны. Лариса!

Высокая стройная девушка в темном трико подошла к краю сцены и грациозно села, свесив одну ногу и подтянув к груди другую.

— Лариса, ты кто? — требовательно начал Гриневич. — Ты играешь роль собаки-метиса, она — плод запретной любви фокстерьера и болонки. Ты должна быть игривой, дружелюбной, ласковой, немного суетливой. Но самое главное — ты должна быть мелкой. Мелкой, понимаешь? Короткий шаг, никаких широких жестов. А ты мне кого показываешь? Русскую борзую? Конечно, так тебе удобнее демонстрировать свою великолепную фигуру. Здесь, дорогая моя, не конкурс красоты, твоя фигура здесь никому не нужна. Я хочу видеть маленькую беспородную собачку, а не твой волнующий бюст. Ясно?

Лариса слушала помощника режиссера, нахмурившись и покачивая изящной ножкой.

— Если у меня есть грудь, так что мне теперь, от-

резать ее, чтобы сыграть эту собаку? — резко бросила она.

— Хочешь, я скажу тебе, что нужно сделать? — миролюбиво ответил Гриневич. — Перестань собой любоваться, вот и весь секрет. Иди работай. Ира!

Лариса медленно поднялась и ушла в глубь сцены. Все, что она в тот момент думала о помреже Геннадии Гриневиче, было огненными буквами написано на ее красивой спине, а знаки препинания в этой нелицеприятной тираде четко обозначились вызывающими движениями округлых бедер и точеных плеч. Общий смысл сводился к тому, что некоторым, не будем указывать пальцем, кому именно, очень легко давать советы не любоваться собой, если сами они — чуть лучше обезьяны.

Очередная жертва критики Гриневича спрыгнула со сцены и оперлась на нее спиной.

— Что, Гена, у меня тоже плохо? — огорченно спросила она.

— Ирочка, родненькая, ты в жизни очень добрая девушка. Это, бесспорно, твое достоинство, за это мы все тебя любим. А играешь ты невероятно стержную суку-добермана. И когда ты своими собачьими методами выясняешь отношения с другими персонажами, то тебе неловко. Ты все время остаешься Ирочкой Федуловой, и тебе стыдно за свою собаку, которая ведет себя грубо и несправедливо. Тебе жалко всех тех, кого она обижает, и это очень заметно. Убери свой характер, ладно? Вышла на сцену — забудь, какая ты в жизни, забудь, чему тебя папа с мамой учили. Ты в этой собачьей компании — вор в законе, ты самая сильная, ты укрепляешь и поддерживаешь свой авторитет и свою власть. Ты — первостатейная стерва, и не смей этого стесняться. Не пытайся сделать свою героиню лучше, чем задумал автор. Договорились?

Ира молча поднялась на сцену, а Гриневич снова обратился к своей собеседнице:

— Как ты думаешь, Анастасия, может, зря я все

это затеял? Еще в театральном институте у меня была мечта сделать спектакль из жизни собак. Я бредил этой идеей, болел ею. Наконец нашел автора, уговорил его попробовать написать пьесу, потом чуть ли не в ногах у него валялся, чтобы он ее переделывал, чтобы она стала такой, как мне хотелось. Потом режиссера уламывал, чтобы он согласился ставить спектакль. Столько лет, столько сил потрачено. А в результате оказывается, что молодые актеры не умеют сыграть то, что нужно.

— Так уж и не умеют? — недоверчиво переспросила Анастасия Каменская, внимательно наблюдавшая за актерами с самого начала репетиции. — Я понимаю, что тебя беспокоит, но этому нельзя научиться, это нужно только понять на собственном опыте. Здесь не поможет ни режиссер, ни педагог. Их надо научить переставать любить себя, свою внешность, свою индивидуальность, но не забывай, Геночка, что вообще-то это противоестественно. Если бы ты взял на себя труд почитать книги по психиатрии и психоанализу, ты бы узнал, что полное отрицание собственных достоинств и собственной ценности — признак нездоровой психики. Нормальный здоровый человек должен любить себя и уважать. Не до эгоцентризма, конечно, но в разумных пределах. Ты хочешь, чтобы вне сцены актеры были личностями, со всеми своими достоинствами и комплексами, а сделав шаг из-за кулис на сцену, тут же теряли бы внутренний стержень и превращались бы в глину, из которой что вылепишь, то и получишь. Ты ведь этого добиваешься? Я тебе советую пригласить в труппу психолога.

— Ну... пожалуй, да... ты, наверное, права, — неуверенно пробормотал Гриневич, который, слушая Настю, не переставал наблюдать за актерами на сцене. — Хотя я не уверен, что с точки зрения актерского мастерства это правильно. Виктор! Сергадеев! Иди сюда!

Огромный мускулистый парень, игравший чер-

ного лабрадора-ретривера, спустился к первому ряду и, тяжело плюхнувшись в кресло, начал вытирать полотенцем лицо и шею.

— Чего, Ген? — чуть задыхаясь, произнес он. — Опять не так?

— Не так. Я не понимаю, почему у тебя не получается сцена с хромым пуделем. Тебе что-нибудь мешает?

Виктор пожал могучими плечами, блестевшими от пота.

— Не знаю. Понять не могу. Я — молодой, глупый, а пудель — старый и хромой. Я не понимаю, что моложе и сильнее, и гоняю его по всей сцене, будто он мне ровня. А он гордый и не хочет показывать, что ему тяжело со мной играть. Только когда он падает без сил, я должен догадаться и устыдиться. Правильно?

— Правильно. Так что тебе мешает? Не знаешь, как показать, что тебе стыдно?

— Не в этом дело. Просто мне не стыдно. Понимаешь, Шурик так легко бегают по сцене, что, когда он падает замертво, его почему-то совсем не жалко.

Игравший хромого старого пуделя Шурик действительно был мастером спорта по легкой атлетике, бегал легко и красиво, а когда падал и неподвижно замирал, это воспринималось как притворство и розыгрыш.

Гриневич взглянул на Анастасию полными отчаяния глазами.

— Опять двадцать пять! И здесь то же самое.

Настя не была актрисой и по роду своей деятельности не имела с театром ничего общего. С Генной Гриневичем она жила когда-то в одном доме, на одной лестничной площадке, и с тех пор, как он начал работать в театре, регулярно, три-четыре раза в год, приходила к нему на репетиции. Приходила с одной-единственной целью: смотреть и учиться, как при помощи мельчайших пластических и мимических нюансов лепятся самые разные образы. Гриневич

против этих визитов не возражал, напротив, бывал очень доволен, когда давняя подруга приходила к нему в театр. Маленький, лысоватый, с лицом уродливого, но смешливого тролля, Геннадий много лет был тайно влюблен в Настю Каменскую и ужасно гордился тем, что до сих пор никто об этом не догадался, в том числе и сама Настя.

— У меня тут все сплошь Мадонны и Ван Даммы, — продолжал раздраженно ворчать он. — Красавиц и спортсменов любят в себе больше, чем актерскую профессию и театр. Как же, столько лет упорного труда, тренировок, пота, режима, диеты — жалко, если никто этого не увидит и не оценит. Перерыв — полчаса! — громко крикнул он.

Гриневич и Настя пошли в буфет и взяли по чашке невкусного, чуть теплого кофе.

— Как ты живешь, Настюша? Как дома, на работе?

— Все то же самое. Мама в Швеции, папа преподает, на пенсию пока не собирается. Одни люди убивают других и почему-то не хотят, чтобы их за это наказывали. Ничего нового в жизни не происходит.

Гриневич легко погладил Настю по руке.

— Устала?

— Очень, — кивнула она, не поднимая глаз от чашки.

— Может, тебе твоя работа надоела?

— Ты что! — Настя вскинула глаза и укоризненно взглянула на помрежа. — Что ты такое говоришь! Я ужасно устаю от своей работы, в ней много грязи, в прямом и переносном смысле, но я ее люблю. Ты же знаешь, Гена, я много чего умею, я могла бы даже переводчицей зарабатывать намного больше, не говоря уж о репетиторстве. Но я ничем не хочу заниматься, кроме своей работы.

— Замуж не вышла?

— Дежурный вопрос! — засмеялась Настя. — Ты мне задаешь его каждый раз, когда мы встречаемся.

— А ответ?

— Тоже дежурный. Я же сказала: ничего нового в моей жизни не происходит.

— Но у тебя есть кто-нибудь?

— Конечно. Все тот же Леша Чистяков. Тоже дежурный.

Гриневич отставил чашку и внимательно посмотрел на Настю.

— Послушай, тебе не кажется, что ты просто соскучилась в своей однообразной жизни? Ты мне сегодня совсем не нравишься. Я впервые вижу тебя такой, а ведь я знаю тебя... дай Бог памяти...

— Двадцать четыре года, — подсказала Настя. — Когда вы переехали в наш дом, мне было девять, а тебе — четырнадцать. Тебя как раз должны были в комсомол принимать, но из-за переезда тебе пришлось перейти в другую школу, а там сказали, что ты для них человек новый и рекомендовать тебя в комсомол они не могут. Так что всех приняли в восьмом классе, а тебя — в девятом. Ты тогда ужасно переживал.

— Откуда ты знаешь? — изумился Геннадий. — Мы же с тобой тогда не общались, ты для меня совсем малявка была. Я точно помню, мы с тобой подружились, когда наши родители купили нам с тобой одинаковых щенков, из одного помета. А до этого я, по-моему, даже в квартире у вас не бывал.

— Зато твои предки бывали. И все про тебя рассказывали. И про комсомол, и про девочку из десятого класса, и про контрольную по физике.

— Про какую контрольную? — недоуменно спросил помреж.

— Которую ты писать не хотел. Принял горячий душ, вымыл голову и вышел в одной пижаме босиком на заснеженный балкон, а было это в феврале. Там тебя родители и застукали.

— И что было?

— А ничего. Здоровье у тебя могучее, так что контрольную пришлось писать.

— Ну ты подумай! — расхохотался от души Гриневич.

невич. — Я ведь совершенно этого не помню. Ты, случаем, не врешь?

— Не вру. Ты же знаешь, у меня память хорошая. А насчет того, что мне скучно от однообразия жизни, тут ты не прав. Мне никогда не бывает скучно. Всегда есть о чем подумать, даже при однообразной жизни.

— И все-таки ты какая-то кислая, Настасья. Обидел кто?

— Это пройдет, — она грустно улыбнулась. — Усталость, магнитные бури, парад планет... Все пройдет.

* * *

Что может быть нелепее отпуска в ноябре? В снежные месяцы можно кататься на лыжах, в марте и апреле живительное солнце курортов Кавказских Минеральных Вод вольет силы в ослабевшие от зимнего авитаминоза тела, про отпуск с мая по август и вовсе говорить нечего, сентябрь и октябрь — бархатный сезон на побережьях теплых южных морей, а что делать с ноябрем? Ноябрь — самый безрадостный месяц, когда золотая прелесть осени уже исчезла и неотвратимость долгих темных холодных дней становится до боли очевидной. Ноябрь — самый тоскливый месяц, ибо дождь и грязь, в марте и апреле выступающие предвестниками тепла и удовольствия, в предзимний период навевают тоску и уныние. Нет, ни один разумный человек не будет уходить в отпуск в ноябре.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска ГУВД Москвы майор милиции Анастасия Павловна Каменская, тридцати трех лет, образование высшее юридическое, была человеком весьма и весьма здравомыслящим. И тем не менее в отпуске она оказалась именно в ноябре.

Конечно, задумывался этот осенний отпуск совсем по-другому. Настя впервые в жизни поехала в санаторий, причем санаторий очень дорогой и с прекрасным обслуживанием и лечением. Но через две

недели она оттуда уехала, потому что случилось в этом санатории убийство, в связи с чем ей пришлось вступить в сложные и запутанные отношения сначала с местным уголовным розыском, потом с местной мафией. А когда убийство, на первый взгляд ничем не выдающееся, раскрыли, то за ним потянулась такая цепь чудовищных преступлений, что Настя поспешно покинула гостеприимный санаторий, не дожидаясь ареста главных фигурантов, с которыми она оказалась хорошо знакома. В итоге — ноябрь, отпуск, испорченное настроение, отвратительное самочувствие, одним словом, все тридцать три удовольствия.

Выйдя из театра, Настя не спеша пошла по проспекту в сторону метро, пытаясь успеть до посадки в вагон решить, куда ехать: к себе домой или к отчиму. Решение принять она успела, но весьма своеобразное: она поехала на работу. Зачем — и сама не знала.

Настин начальник Виктор Алексеевич Гордеев, как ни странно, оказался на месте, поэтому ее бредовому замыслу суждено было сбыться. Не оказалось бы Гордеева в кабинете — как знать, чем бы все обернулось. Но Виктор Алексеевич восседал за своим столом и сосредоточенно грыз дужку очков, что являлось признаком глубоких размышлений.

— Виктор Алексеевич, отзовите меня из отпуска, — попросила Настя Каменская, не тратя слов попусту. Она уже виделась с начальником после возвращения из санатория, и он был полностью в курсе ее неудачной эпопеи с отдыхом и лечением. Кроме того, Гордеев любил Настю, ценил ее и понимал, может быть, как никто другой.

— Что, Стасенька, тошно тебе? — сочувственно спросил он.

Настя молча кивнула.

— Ладно, считай, ты с сегодняшнего дня на работе. Иди к Мише Доценко, возьми у него материалы по трупам Ереминой. И напомни мне, чтобы я бумажек в отдел кадров написал насчет твоего отпуска. Не

забудь только, а то дни пропадут. Мало ли когда пригодятся.

Взяв у Доценко материалы, Настя заперлась в своем кабинете и начала их читать. Дело было возбуждено по факту обнаружения трупа молодой женщины. Никаких документов или чего-либо еще, позволяющего установить ее личность, при погибшей не обнаружено. Смерть наступила от удушения примерно за 4—5 дней до того, как тело осматривал эксперт. Для установления личности убитой были подняты все заявления о розыске молодых женщин, ушедших из дома и по неизвестным причинам не вернувшихся. Из этих заявлений были отобраны те, в которых указывалось, что пропавшая была брюнеткой с длинными волосами, рост 168—173 см. Подходящих заявлений оказалось четырнадцать, заявителей пригласили для опознания трупа, и девятый по счету опознававший сказал, что погибшая — Виктория Еремина, двадцати шести лет, работала секретарем в фирме, которую он возглавляет. Заявление о розыске подавал тоже он, так как Вика сирота, воспитывалась в детдоме, ни мужа, ни родственников у нее нет. В этом случае розыскное дело было заведено по официальному запросу с места работы.

Далее из материалов следовало, что Виктория Еремина в понедельник, 25 октября, не вышла на работу. Никого это, однако, всерьез не беспокоило: все знали, что Вика любит выпить и частенько ударяется в загулы, после которых может и на работу не выйти. Когда она не появилась на фирме и на следующий день, решили позвонить ей домой — не случилось ли чего. К телефону никто не подошел, из чего был сделан вывод о длительном запое. В среду, 27 октября, на фирму позвонил любовник Ереминой Борис Карташов с вопросом: где Вика? После того, как обзвонили Викиных подружек и побывали у нее дома (у Карташова были ключи от ее квартиры), поняли, что дело неладно. Карташов помчался в милицию, но ему, как водится, ответили, что оснований для пани-

ки нет и надо бы еще денька три подождать: девица молодая, пьющая, семьей не обременена — наверняка сама объявится. На всякий случай предупредили, что от него, Карташова, заявление о розыске все равно не примут, нужен запрос с места работы.

Запрос такой поступил 1 ноября, а через день, 3 ноября, Вика Еремина была найдена убитой в лесу, в 75 километрах от Москвы по Савеловской дороге. Если верить заключению эксперта, смерть Ереминой наступила не раньше 30 октября. Иными словами, пока Борис Карташов метался в поисках своей возлюбленной, на работе пожимали плечами, а милиция старалась отфутболить от себя заявление о розыске, Виктория еще была жива, и если бы вовремя начали ее искать, может, успели бы найти до того, как ее убили.

Многих документов в Настином распоряжении не было; все документы, составленные после возбуждения уголовного дела, находились у следователя городской прокуратуры Константина Михайловича Ольшанского. В ее же руках были только копии материалов из розыскного дела, отражавших лишь ту информацию, которая была получена с момента заявления о розыске и до обнаружения трупа. Не густо, но и в таком небольшом количестве сведений надо было тщательно разобраться. В голове у Насти возникали все новые и новые вопросы.

Почему солидная фирма, которая платит своим сотрудникам часть зарплаты в долларах и имеет неплохую репутацию в деловых кругах, держит на работе недисциплинированную и пьющую секретаршу? Не может ли быть, что означенная секретарша шантажирует руководство фирмы, обеспечивая тем самым себе необременительную работу и стабильный валютный доход? И не это ли послужило причиной ее смерти?

Почему любовник погибшей кинулся ее искать только 27 октября, в среду, хотя, судя по информации, полученной от знакомых Вики, ее никто не

видел и не слышал, начиная с субботы, 23 октября? В пятницу, 22 октября, Еремина была на работе, это подтверждают все сотрудники фирмы, в 17.00 рабочий день был официально окончен, и все собрались в небольшом банкетном зале для дружеского закрепления удачной сделки с иностранными партнерами. После «банкета» Вика уехала домой, ее повез в своей машине один из фирмачей. Довез он ее, судя по всему, вполне благополучно, потому что около одиннадцати вечера в тот же день Вика разговаривала по телефону со своей приятельницей, договорилась с ней встретиться в воскресенье и никаких планов, связанных с возможным отъездом из Москвы, не строила. Была ли она в этот момент одна в квартире? Бизнесмен, отвозивший ее домой, утверждает, что он пытался попроситься на чашку кофе, но девушка сослалась на усталость и пообещала пригласить его в гости в следующий раз, с чем он и уехал, проводив даму до лифта и поцеловав ей ручку. Лжет или нет? Как проверить?

После 23 часов пятницы наступает полное молчание. Виктория Еремина никому из знакомых не звонит, не появляется в местах, где ее могут узнать, но и дома ее нет, так как на звонки по телефону она не отвечает. А если она все-таки была дома, но к телефону не подходила, то почему? И где она пропадала целую неделю, с 23 до 30 октября? Неужели была в таком глубоком запое, что никому не позвонила, ни на работу, ни любовнику?

Когда Настя «вынырнула» из своих размышлений и созерцания бумаг, было почти восемь вечера. Она позвонила по внутреннему телефону Гордееву.

— Виктор Алексеевич, кто занимается делом Ереминой?

— Ты.

Ответ был настолько неожиданным, что Настя чуть не выронила трубку. За все годы, что она проработала в отделе у Гордеева, она занималась почти исключительно аналитической работой, но зато по

всем делам, по которым работали гордеевские сыщики. Это они бегали, стаптывая ботинки и натирая мозоли, в поисках свидетелей и доказательств, это они осуществляли хитроумные операции, внедрялись в преступные группировки, участвовали в задержаниях опасных уголовников. Но всю информацию, добытую в таких вот бегах, они, подобно муравьям, добросовестно тащили в кабинет Каменской и, устало выдохнув, сваливали прямо у порога: Настасья сама разберется, что к чему, какой факт на какую полочку положить и какой ярлычок к нему приклеить; она сама оценит весомость каждого кусочка информации, надежность ее и достоверность, прикинет, нужна ли эта информация для какого-нибудь дела, по которому сейчас работают, или ее можно отложить «про запас», а если нужна, то можно ли ей доверять и как ее проверить. Настасья включает свой компьютер, который работает у нее не от электросети, а от кофе и сигарет, и завтра, ну, в крайнем случае послезавтра расскажет, какие версии могут быть построены, кого нужно опросить, что еще в процессе такой беседы выяснить и т.д. Каждый месяц Настя изучала все дела об убийствах, тяжких телесных повреждениях и изнасилованиях и составляла для Гордеева аналитическую справку. Благодаря этим справкам Виктор Алексеевич видел не только типичные ошибки и промахи в раскрытии тяжких преступлений, но и новые и оригинальные методы и приемы сбора улик и изобличения виновных, а также, что было самым главным, все новое в совершении самих преступлений: организацию, способы и даже мотивы.

Задачей Анастасии Каменской была кропотливая аналитическая работа, и, спрашивая начальника о том, кто занимается делом об убийстве Виктории Ереминой, она готовилась услышать два-три имени своих коллег, с которыми она этим же вечером созвонилась бы. Она готова была услышать что угодно, только не «ты».

— Можно к вам зайти? — спросила она.

— Я позвоню, — коротко ответил Гордеев, из чего Настя поняла, что в кабинете у него кто-то был.

Когда она наконец дождалась приглашения и вошла в кабинет начальника, тот стоял, отвернувшись к окну и задумчиво постукивая по стеклу монеткой.

— Беда у нас, Стасенька, — произнес он, не оборачиваясь. — Кто-то из наших ребят нечестен. А может быть, их даже несколько. А может, и все. Кроме тебя.

— Откуда вы знаете?

— Я твоего вопроса не слышал.

— А я его и не задавала. Я имею в виду: почему кроме меня? За что такое доверие?

— Это не доверие, а расчет. У тебя нет возможности быть нечестной, ты не работаешь непосредственно с людьми. Ты можешь оказаться недобросовестной, но это не спасет того, кто даст тебе взятку. Пусть ты якобы не додумаешься до чего-то, не заметишь что-то важное, существенное для дела. Где гарантия, что опер, который ведет дело, тоже не додумается и не заметит? Нет, деточка, ты опасна тем, что делаешь. А бездействие твое, даже умышленное, роли не играет. Для взяткодателя ты не фигура.

— Ну, спасибо, — криво усмехнулась Настя. — Выходит, вы мне верите по расчету, а не по любви. Что ж, ладно.

Гордеев резко повернулся, и Настя увидела его лицо, искаженное такой болью, что ей стало неловко.

— Да, я верю тебе по расчету, а не по любви, — жестко сказал он. — И до тех пор, пока мы со своей бедой не справимся, я должен забыть, какие вы все у меня хорошие и как я вас всех люблю. Мне непереносима мысль, что кто-то из вас двуручничает, потому что каждый из вас мне дорог и близок, потому что каждого я лично брал на работу, обучал, воспитывал. Вы все — мои дети. Но я должен вычеркнуть все это из своей души и заниматься только расчетом, чтобы любовь или просто хорошее отношение не затмили мне свет и не застили глаза. Уйдет беда — вернется любовь. Не раньше. Теперь о деле.

Виктор Алексеевич медленно отошел от окна и сел за стол. Был он невысок ростом, широкоплеч, с выпирающим животиком, круглой, почти совсем лысой головой. Подчиненные любовно звали его Колобком, причем прозвище это накрепко приклеилось к Гордееву лет тридцать назад и бережно передавалось его коллегами, а потом и преступниками из поколения в поколение. Настя глядела на него и думала, что сейчас он совсем не соответствует своему ласковому прозвищу, сейчас он весь налит болью и свинцовой тяжестью.

— В свете того, что я тебе сказал, я никому не хочу поручать дело об убийстве Ереминой, кроме тебя. Поэтому я рад, что ты прерываешь отпуск. Дело отвратительное, пахнет дурно аж за километр. Фирма, доллары, банкет, иностранные партнеры, красotka секретарша, которую находят задушенной и со следами истязаний, какой-то богемный любовник — все это мне не нравится. Пока я не выясню, кто из наших берет деньги у преступников за раскрытие убийств, делом Ереминой будешь заниматься ты. Если ты его не раскроешь, я, по крайней мере, буду уверен, что сделано все возможное. Завтра с утра поезжай в горпрокуратуру к Ольшанскому, посмотри материалы дела и приступай.

— Виктор Алексеевич, я одна ничего не смогу сделать. Вы что, шутите? Где это видано, чтобы по убийству работал один-единственный оперативник?

— Кто сказал, что ты будешь одна? Есть уголовный розыск ГУВД области, есть милиция по месту жительства Ереминой, где и завели розыскное дело. Есть сотрудники нашего отдела, которым можно давать поручения через меня, не открывая карт. Сообщай, крутись. Голова у тебя хорошая, а опыта пора набираться.

* * *

В этот день, 11 ноября, Настя Каменская, выйдя с работы в десятом часу вечера, решила поехать ночевать в квартиру родителей, которая находилась от

Петровки, 38, гораздо ближе, чем ее собственное жилье. Заодно она рассчитывала на вкусный горячий ужин, ибо ее отчим, Леонид Петрович, которого Настя за глаза называла просто Ленией, был человеком, в отличие от нее самой, неленивым и хозяйственным, и длительная загранкомандировка жены, профессора Каменской, никак не повлияла ни на чистоту и порядок в квартире, ни на наличие в ежедневном меню питательных и хорошо приготовленных блюд.

Помимо ужина, Настя преследовала еще одну цель. Она решилась наконец на непростой и очень деликатный разговор с отчимом, которого, сколько себя помнила, называла папой и искренне любила. Начать разговор, однако, оказалось не легче, чем решиться на него в принципе. Настя оттягивала момент, медленно поглощая жаркое, потом тщательно заваривала чай, долго и методично мыла посуду, оттирая накипь с кастрюль и сковородок. Но Леонид Петрович знал падчерицу достаточно хорошо, чтобы понять, что пора прийти ей на помощь.

— Что тебя гложет, ребенок? Давай выкладывай.

— Папуля, тебе не кажется, что у нашей мамы в Швеции кто-то есть? — выпалила Настя, не глядя на отчима.

Леонид Петрович долго молчал, прохаживаясь по комнате, потом остановился и спокойно взглянул на нее.

— Кажется. Но еще мне кажется, что, во-первых, это не должно тебя касаться, а во-вторых, в этом нет никакой трагедии.

— То есть?

— Я объясню. Твоя мама рано вышла замуж, если ты помнишь, за своего одноклассника. Ей тогда только-только исполнилось восемнадцать. Они поженились, потому что должна была родиться ты. Этот брак был обречен с самого начала. Мама развелась с твоим отцом, когда тебе еще двух лет не было. Двадцатилетняя студентка с малышкой на руках! Пелен-

ки, детские болезни, отличная учеба, аспирантура, кандидатская диссертация, собственное направление в науке, статьи, конференции, командировки, докторская диссертация, монографии... Не многовато ли для одной женщины? От меня помощи было мало, я работал в уголовном розыске, уходил рано, приходил поздно, а нас с тобой надо было кормить и обихаживать. Даже когда ты стала достаточно большой, чтобы помогать матери по дому, она не заставляла тебя ходить в магазин, чистить картошку и пылесосить ковры, потому что видела, с каким удовольствием ты читаешь и занимаешься математикой и иностранными языками, и считала, что дать ребенку возможность тренировать мозги куда важнее, чем приучать к ведению хозяйства. Ты когда-нибудь задумывалась о том, какую жизнь прожила твоя мать? Сейчас ей пятьдесят один год, она по-прежнему красавица, хотя один Бог знает, как ей при такой жизни удалось сохраниться. Когда ей предложили поработать в Швеции, она наконец-то получила возможность пожить спокойно и, если хочешь, красиво. Да-да, красиво, не морщись, пожалуйста, ничего зазорного в этом нет. Я знаю, ты расстроилась, когда мама согласилась продлить контракт и осталась за границей еще на год. Ты думаешь, что она нас с тобой не любит, о нас не скучает, и тебя это обижает. Настенька, ребенок мой дорогой, да она просто устала от нас. Мы ей немножко надоели. Конечно, в большей степени это относится ко мне. Но все равно, пусть она отдохнет от нас. Она это заслужила. И даже если у нее роман — пусть. Она и это заслужила. Я был ей всегда хорошим мужем, но никомушным возлюбленным. Твоя мама уже лет двадцать не видела от меня ни цветов, ни внезапных подарков, я не мог предложить ей поездку в какое-нибудь интересное место, потому что свободное время у нас с ней практически никогда не совпадало. И если сейчас там, в Швеции, все это у нее есть — я рад. Она достойна этого.

— И что же, ты совсем не ревнуешь?

— Ну почему, ревную, конечно. Но в разумных пределах. Видишь ли, мы с мамой очень дружны. Да, в наших отношениях нет романтики, но мы прожили вместе двадцать семь лет, так что сама понимаешь... Мы друзья, а это в нашем возрасте намного важнее. Ты боишься, что наша семья развалится?

— Боюсь.

— Ну, что ж... Либо мама получит то, чего ей так недостает, и вернется домой, либо выйдет замуж в Швеции, разведясь со мной. Что изменится лично для тебя? Мамы не будет в Москве? Так ее и сейчас здесь нет, и совершенно непонятно, когда она захочет вернуться. И потом, положи руку на сердце, признайся: неужели ты так сильно нуждаешься в маминем присутствии? Прости, ребенок, я знаю тебя так давно, что имею право кое-что сказать. Тебе не так уж и нужно, чтобы мама жила в Москве, просто тебя задевает, что она готова жить вдали от тебя. А что касается нас с тобой, то ты же не перестанешь приходить ко мне только потому, что я больше не являюсь мужем твоей матери, верно?

— Конечно, папуля. Ты мне как родной отец. Я тебя очень, очень люблю, — грустно сказала Настя.

— И я люблю тебя, ребенок. А маму не осуждай. И меня, кстати, тоже.

— Я знаю, — кивнула Настя. — Ты меня с ней познакомишь?

— А надо? — засмеялся Леонид Петрович.

— Интересно же!

— Ладно, если интересно — познакомлю. Только дай слово, что не будешь расстраиваться.

* * *

Уснуть Насте удалось только ближе к утру. Она все пыталась осмыслить то, что услышала от своего начальника Гордеева. Милиция, купленная мафией, — не новость. Но до тех пор, пока это случалось с другими, в другом подразделении, в другом городе,

это воспринималось как факт объективной реальности, с которым надо считаться и который следует принимать во внимание при анализе информации и принятии решений. А когда это случается рядом с тобой, в твоём отделе, с твоими друзьями, то из служебно-аналитической проблема становится нравственно-психологической, не имеющей однозначного решения. Как работать дальше? Как себя вести с коллегами? Кого подозревать? Всех? И тех, кого недолюбливаешь, и тех, кому симпатизируешь, и тех, к кому искренне привязана? И если заметишь что-то, вызывающее подозрение, в поведении кого-нибудь из сотрудников отдела, то что с этим делать? Бежать к Колобку доносить? Или таить в себе, внутренне зажмурившись и повторяя, что ничего такого не было? А может быть, самоустраниться, сказав себе, что предавать друзей нельзя, даже если они не правы, и пусть с ними разбираются враги? Тогда кто же здесь враг? Инспекция по личному составу? Или все-таки тот, кто оказывает услуги преступникам вопреки интересам правосудия? Господи, как много вопросов! И ни одного ответа...

Глава вторая

В кабинет к следователю городской прокуратуры Константину Михайловичу Ольшанскому Настя попала впервые. Они знали друг друга давно, но встречались только на Петровке, где Ольшанский частенько бывал. Он был умным человеком и опытным следователем, грамотным, добросовестным, мужественным, но Настя его почему-то недолюбливала. Она не раз пыталась разобраться в своем отношении к нему, но причин нелюбви к Ольшанскому так и не поняла. Более того, она знала, что очень многие относились к нему точно так же неприязненно, хотя открыто признавали его профессионализм и высокую квалификацию.

Внешне Константин Михайлович производил

впечатление недотепы-неудачника: смущенный взгляд, мятый пиджак, на любом галстуке — непременно какое-то постороннее пятнышко непонятного происхождения, далеко не всегда вычищенные ботинки, очки в чудовишно старомодной оправе. Кроме того, Ольшанский отличался весьма живой мимикой и тем, что совершенно не следил за лицом, особенно когда занимался писаниной. Сторонний наблюдатель с трудом удерживался от смеха, видя эти невероятные гримасы и высунутый кончик языка. Вместе с тем следователь бывал резок и невежлив, хотя и не часто, и, как ни странно, в основном с экспертами. Он был помешан на криминалистике, читал всю новейшую литературу, вплоть до диссертаций и материалов научно-практических конференций, и во время осмотра места происшествия буквально стоял над душой у экспертов, предъявляя им какие-то немыслимые требования и ставя перед ними самые неожиданные вопросы.

Кабинет Ольшанского был довольно точным отражением своего хозяина: на полированной поверхности приставного стола — круги от горячих стаканов, рабочий стол захламлен донельзя, пластмассовый абажур настольной лампы померк под вековым слоем пыли, из ярко-зеленого превратившись в тускло-серый. Короче, кабинет Насте не понравился.

Ольшанский встретил ее дружелюбно, но тут же спросил про Ларцева. Владимир Ларцев вместе с Михаилом Доценко первые девять дней, с 3 по 11 ноября, выполняли поручения следователя по делу об убийстве Виктории Ереминой, и Константин Михайлович ожидал увидеть кого-то из них. В отделе Гордеева знали, что Ольшанский особенно ценил Ларцева и признавал за ним умение вести допросы, частенько поручал ему работу со свидетелями и обвиняемыми и всегда подчеркивал, что результаты такой работы у Володи гораздо лучше, чем у него самого.

— Ларцев пока занят, — уклончиво ответила

Настя, — ему поручили другое задание. По делу Ереминой буду работать я.

Надо отдать следователю должное: если он и был разочарован, то виду не показал. Достав из сейфа уголовное дело, он усадил Настю за приставной стол.

— Читай тихонечко. Я должен закончить обвинительное заключение. Через сорок минут у меня очная ставка, так что придется тебя выгнать. Постарайся успеть.

Документов в деле оказалось не так уж много. Заключение судебно-медицинского эксперта: причина смерти — асфиксия, наступившая вследствие удушья, скорее всего, полотенцем (частицы волокон ткани обнаружены на заостренных краях серьги в форме цветка с пятью лепестками). На теле убитой обнаружены множественные кровоподтеки в области спины и груди, образовавшиеся от ударов толстой веревкой или ремнем. Время образования кровоподтеков — от двух суток (самые ранние) до двух часов (самые поздние) до наступления смерти.

Протокол допроса начальника Ереминой, генерального директора фирмы гласил: «Вика много пила, но на работу ходила исправно. Конечно, в поведении были странности, как у всякой пьющей женщины. Она могла, например, уехать на два-три дня с малознакомым мужчиной. Но Еремина при всем при том никогда не забывала отпроситься у начальника, причем не стесняясь заявляла в открытую, зачем ей нужны эти два-три дня. В последнее время она сильно изменилась, стала замкнутой, непредсказуемой, часто отвечала невпопад, подолгу сидела, уставившись в одну точку, и порой даже не слышала, как к ней обращаются. Создавалось впечатление, что она серьезно больна».

Протокол допроса Бориса Карташова, любовника Ереминой: «Я совершенно уверен, что Виктория была больна. Около месяца тому назад у нее появилась навязчивая идея, что кто-то воздействует на нее по радио и крадет ее сны. Я уговаривал ее прокон-

сультироваться у психиатра, но она категорически отказывалась. Тогда я сам обратился к знакомому врачу, и он выразил уверенность, что у Вики острый психоз и она нуждается в немедленной госпитализации. Однако Вика меня не послушалась. Иногда она вела себя крайне легкомысленно, заводила какие-то случайные знакомства и близко сходилась с подозрительными типами, особенно в периоды запоев. Бывало, что и пропадала на несколько дней с очередным любовником. Я уехал из Москвы в командировку 18 октября, вернулся 26 октября, начал разыскивать Викторию, опасаясь, что в болезненном состоянии она могла попасть в беду. О том, что она собиралась куда-то уезжать, мне ничего не известно. Никаких сообщений от нее я не получал».

Протокол допроса Ольги Колобовой, подруги Ереминой: «Я знаю Вику всю жизнь, мы вместе воспитывались в детдоме. Естественно, Бориса Карташова я тоже знаю. Примерно месяц назад Борис сказал мне, что Вика заболела, у нее появилась навязчивая идея, что кто-то при помощи радио крадет у нее сны. Борис просил, чтобы я поговорила с Викторией, убедил ее показаться врачу. Вика категорически отказалась, сказала, что считает себя абсолютно здоровой. Когда я спросила ее, правда ли, что она говорила Борису, будто у нее крадут сны, она подтвердила, что это правда. Последний раз я разговаривала с Викторией вечером 22 октября, примерно в 23 часа, я звонила ей домой. Мы договорились встретиться в воскресенье. Больше я Еремину не видела и не разговаривала с ней».

Протокол допроса кандидата медицинских наук Масленникова, врача-психиатра, у которого консультировался Карташов: «Примерно две-три недели назад, в середине октября, ко мне обратился Борис Карташов по поводу своей знакомой, у которой появились навязчивые идеи. Описанные им симптомы позволили мне сделать вывод, что молодая женщина находится на грани серьезнейшего заболевания».

ния и нуждается в немедленной госпитализации. Такое состояние, как у нее, называется синдромом Кандинского-Клерамбо. Больные в состоянии острого психоза бывают чрезвычайно опасны, так как слышат «голоса», и эти «голоса» могут приказать им сделать все что угодно, вплоть до убийства случайного прохожего. Точно так же такие больные легко могут стать жертвой преступления, так как не в состоянии адекватно оценивать обстановку, особенно если в этот момент «голос» им что-нибудь «посоветует». Я объяснил Карташову, что госпитализировать его знакомую нельзя без ее согласия до тех пор, пока нарушения психики не приведут к явным нарушениям в поведении и она не попадет в милицию. Карташов сказал мне, что она категорически отказывается даже от простой консультации у специалиста и считает себя полностью здоровой. К сожалению, в таких случаях сделать ничего нельзя, принудительная госпитализация возможна только, как я уже говорил, если больной поведет себя так, что попадет в поле зрения милиции».

Еще несколько протоколов с показаниями сотрудников фирмы, где работала Еремина, а также знакомых погибшей и ее друга Карташова. Ничего нового в этих протоколах Настя не увидела. На глаза ей попался листок с перечнем мест и адресов, где Виктория имела обыкновение напиваться. К листку подколото шесть справок о том, что в указанных местах в период с 23 октября по 1 ноября никто Еремину не видел. Непроверенными оставались еще два адреса.

Настя закрыла уголовное дело и посмотрела на Ольшанского. Следователь быстро печатал на машинке, повернувшись к Насте спиной и ссутулившись на неудобном стуле.

— Константин Михайлович! — позвала она.

Он резко обернулся к ней, задев при этом локтем высокую стопку бумаг на рабочем столе. Документы разлетелись в разные стороны, некоторые упали на

пол. Ольшанского это, однако, ничуть не беспокоило.

— Да? — спокойно отозвался он, словно ничего не случилось, снял очки и принялся ожесточенно тереть пальцами глаза.

— У меня к вам три вопроса. Один — по делу и два — не по делу.

— Начинай с тех, которые не по делу, — добродушно сказал следователь, по-птичьи склонив голову набок и зажав пальцами переносицу. Как все люди, страдающие сильной близорукостью, без очков он выглядел растерянным и беспомощным. Что-то неуловимо изменилось, и Настя вдруг поняла, что у Ольшанского удивительно красивое лицо и огромные глаза с девически длинными ресницами. Толстые стекла «близоруких» очков делали глаза маленькими, а чиненая-перечиненая оправка с многочисленными следами склеивания уродовала следователя до полной неузнаваемости.

— Вам хватает вашей зарплаты?

— Смотря для чего, — пожал плечами Ольшанский. — Для того, чтобы не подохнуть под забором, — вполне, даже с избытком. А для того, чтобы хорошо себя чувствовать, — не хватает.

— Что для вас означает «хорошо себя чувствовать»? — допытывалась Настя.

— Для меня лично? А ты, оказывается, нахалка, Каменская! Сейчас я начну тебе отвечать, а ты мне в душу полезешь. Мне придется рассказывать о своих вкусах, пристрастиях, о хобби, о семейных проблемах и еще Бог знает о чем. С какой стати? Ты мне кто — сват, брат, лучший друг? Давай второй вопрос.

Следователь откровенно хамил, но при этом весело улыбался, сверкал ослепительными ровными зубами, и было совершенно непонятно, сердится он или шутит.

— Вы недовольны, что вместо Ларцева по делу Ереминой буду работать я?

Улыбка на лице Ольшанского стала еще шире, но ответил он не сразу.

— Я люблю работать с Володей, он классный специалист, настоящий мастер. И вообще он мне глубоко симпатичен. Я всегда радуюсь и как следователь, и как человек, когда мне доводится с ним общаться. Что же касается тебя, Анастасия, то с тобой я никогда раньше не работал и почти тебя не знаю. Гордеев тебя очень хвалит, но для меня это — пустой звук. Я привык сам составлять мнение о человеке. Ты удовлетворена моим ответом?

— Честно говоря, нет. Но ведь другого ответа не будет?

— Не будет.

— Тогда третий вопрос: где тот бизнесмен, который отвозил Еремину домой в пятницу, 22 октября, после банкета?

— К сожалению, уехал домой, в Нидерланды. Но в квартире Ереминой его, похоже, не было. Ты протокол осмотра квартиры прочла?

— Не успела. Я читала только свидетельские показания. А протокола допроса этого бизнесмена там нет. Его что, не допрашивали?

— Нет. Он улетел до того, как обнаружили труп и возбудили дело. Однако когда Еремину начали разыскивать, он еще был в Москве, и гендиректор фирмы звонил ему и спрашивался о девушке. Таким образом, о событиях вечера 22 октября мы знаем только со слов начальника Ереминой. Так вот, в квартире отпечатков пальцев этого бизнесмена не обнаружено.

— А как вы определили? С чем сравнивали? — удивилась Настя.

— С отпечатками на документах, которые подписывал этот богатый джентльмен.

— Документы представил все тот же гендиректор?

— Совершенно точно.

— Слабовато, — с сомнением произнесла Настя.

— Слабовато, — с готовностью согласился Ольшанский. — Но, может быть, тебя утешит то обстоя-

тельство, что сей господин в 22.30 того же вечера звонил из гостиницы «Балчуг» в Париж, о чем есть соответствующая запись у телефонисток. А Еремина, если ты помнишь, около одиннадцати вечера была жива-здорова и беседовала по телефону с подружкой. И вообще маловероятно, чтобы этот голландец был причастен к убийству, потому что убили-то ее никак не раньше 30 октября. Конечно, надо бы его допросить, но это, как ты сама понимаешь, долгая песня — через МИД, посольство и так далее, тем паче, что он вполне может куда-нибудь уехать из Нидерландов по своим коммерческим делам. Не гоняться же за ним по всему миру.

— Константин Михайлович, мне работать по вашим версиям или самой думать?

— А у меня пока всего две версии. Первая — убийство Ереминой связано с темными делами на фирме. Вторая — она действительно психически больна и стала жертвой какого-то подонка, случайно попавшегося ей на пути. Первую версию проверять пока не начали, по второй сделано достаточно много, но, к сожалению, безрезультатно. Никаких следов передвижения погибшей за те несколько дней, что прошли с момента ее исчезновения и до обнаружения трупа, найти не удалось.

— И в чем вы видите мою задачу? — спросила Каменская.

— Я хочу, чтобы ты подумала, как еще можно поработать над второй версией. Я хочу, чтобы ты придумала, где и как обнаружить след Ереминой, если допустить, что она и в самом деле была в состоянии острого психоза. Поговори со специалистами, посоветуйся с психиатрами, выясни, как ведет себя больной в таком состоянии, прикинь, куда и зачем девушка могла бы отправиться.

— А как же первая версия? Насчет махинаций на фирме? Не будем проверять?

— Анастасия, ты меня умиляешь, ей-крест! — взмахнул руками Ольшанский. — Разве ты в состоя-